

Велимир Хлебников Ладомир

И замки мирового торго,
Где бедности сияют цепи,
С лицом злорадства и восторго
Ты обратишь однажды в пепел.
Кто изнемог в старинных спорах
И чей застенок там, на звездах,
Неси в руке гремучий порох —
Зови дворец взлететь на воздух.
И если в зареве пламен
Уж потонул клуб дыма сизого,
С рукой в крови взамен знамен
Бросай судьбе перчатку вызова.
И если меток был костер
И взвился парус дыма синего,
Шагай в пылающий шатер,
Огонь за пазухою — вынь его.
И где ночуют барыши,
В чехле стекла, где царский замок,
Приёмы взрыва хороши
И даже козни умных самок.

Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
О девушка, души косою
Убийцу юности в часы свидания
За то, что девою босою
Ты у него молила подаяния.
Иди кошачьею походкой,
От нежной полночи чиста.
Больная, поцелуй чахоткой
Его в веселые уста.
И ежели в руке желез нет —
Иди к цепному псу,
Целуй его слюну,
Целуй врага, пока он не исчезнет.
Холоп богатых, улю-лю,
Тебя дразнила нищета,
Ты полз, как нищий, к королю
И целовал его уста.
Высокой раною боля,
Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.
Это шествуют творяне,
Заменявши Д на Т,

Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мятеж,
Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.

И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех писем изгонят ять.
В день смерти зим и раннею весной
Нам руку подали венгерцы.
Свой замок цен, рабочий, строй
Из камней ударов сердца.
И, чокаясь с созвездьем Девы,
Он вспомнит умные напевы
И голос древних силачей,
И выйдет к говору мечей.
И будет липа посылать
Своих послов в совет верховный,
И будет некому желать
Событий радости греховой.
И пусть мещанскою резьбою
Дворцов гордились короли,
Как часто вывеской разбою
Святых служили костыли.
Когда сам бог на цепь похож,
Холоп богатых, где твой нож?
Вперед, колодники земли,
Вперед, добыча голодовки.
Кто трудится в пыли,
А урожай снимает ловкий.
Вперед, колодники земли,
Вперед, свобода голодать,
А вам, продажи короли,
Глаза оставлены — рыдать.

Туда, к мировому здоровью,
Наполнимте солнцем глаголы,
Перуном плывут по Днепровью,
Как падшие боги, престолы.

Лети, созвездье человечье,
Всё дальше, далее в простор,
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.
Где роем звезд расстрел небес,
Как грудь последнего Романова,
Бродяга дум и друг повес
Перекует созвездье заново.
И будто перстни обручальные
Последних королей и плахи,
Носитесь в воздухе, печальные
Раклы, безумцы и галахи.
Учебников нам скучен щебет,
Что лебедь черный жил на юге,
Но с алыми крылами лебедь
Летит из волн свинцовой вьюги.
Цари, ваша песенка спета.
Помолвлено лобное место.
И таинство воинства — это
В багровом слетает невеста.
И пусть последние цари,
Улыбкой поборая гнев,
Над заревом могил зари
Стоят, окаменев.
Ты дал созвездию крыло,
Чтоб в небе мчались пехотинцы.
Ты разорвал времен русло
И королей пленил в зверинцы.
И он сидит, король-последыш,
За четкою железною решеткой,
Оравы обезьян соседыш,
И яда дум испивши водки.
Вы утонули в синей дымке,
Престолы, славы и почет.

И, дочь думы-невидимки,
Слеза последняя течет.
Столицы взвились на дыбы,
Огромив копытами долы,
Живые шествуют — дабы
На приступ на престолы.
Море вспомнит и расскажет
Грозовым своим глаголом —
Замок кружев девой нажит,
Пляской девы пред престолом.
Море вспомнит и расскажет
Громовым своим раскатом,
Что дворец был пляской нажит
Перед ста народов катом.
С резьбою кружев известняк
Дворца подруги их величий.

Теперь плясуњи особняк
В набат умов бросает кличи.
Ты помнишь час ночной грозы,
Ты шел по запаху врага,
Тебе кричало небо «взы!»
И выло с бешенством в рога.
И по небу почерк палаческий,
Опять громовые удары,
И кто-то блаженно-дураческий
Смотрел на земные пожары.
Упало Гэ Германии.
И русских Эр упало.
И вижу Эль в тумане я
Пожара в ночь Купала.
Смычок над тучей подыми,
Над скрипкою земного шара,
И черным именем клейми
Пожарных умного пожара.

В. Татлин. «Матрос». Фрагмент.

Ведь царь лишь попрошайка
И бедный родственник король,—
Вперед, свободы шайка,
И падай, молот вошь!
Ты будешь пушечное мясо
И струпным трупом войн — пока
На волны мирового пляса
Не ляжет ветер гопака.
Ты слышишь: умер «хох»,
«Ура» умолкло и «банзай»,—
Туда, где красен бог,
Свой гнева стон вонзай.
И умный череп Гайаваты

Украсит голову Монблана —
Его земля не виновата,
Войдет в уделы Людостана.
И к онсам мчатся вальпарайсы,
К ондурам бросились рубли.
А ты, безумец, постарайся,
Чтоб острый нож лежал в крови.
Это ненависти ныне вести,
Их собою окровавь,
Вам былых столетий сети,
В море дум бросайся вплавь.
И опять заиграй, заря,
И зови за свободой полки,
Если снова железного кайзера
Люди выйдут железом реки.
Где Волга скажет «лю»,
Янцзекиянг промолвит «блю»,
И Миссисипи скажет «весь»,
Старик Дунай промолвит «мир»,
И воды Ганга скажут «я»,
Очертит зелени края
Речной кумир.
Всегда, навсегда, там и здесь,

Всем все, всегда и везде, —
Наш клич пролетит по звезде!
Язык любви над миром носится,
И Песня песней в небо просится.
Морей пространства голубые
В себя заглянут, как в глазницы,
И в чертежах прочту судьбы я,
Как блещут алые зарницы.
Вам войны выклевали очи,
Идите, смутные слепцы,
Таких просите полномочий,
Чтоб дико радовались отцы.
Я видел поезда слепцов,
К родным протянутые руки,
Дела купцов — всегда скупцов —
Порока грязного поруки.
Вам войны оторвали ноги —
В Сибири много костылей, —
И, может быть, пособят боги
Пересекать простор полей.
Гуляйте ночью, костяки,
В стеклянных просеках дворцов,
И пусть чеканят остряки
Остроты звоном мертвецов.
В последний раз над градом Круппа,
Костями мертвых войск шурша,
Носилась золотого трупа

Везде проклятая душа.
Ты населил собой остроги,
Из поручней шагам созвучие,
Но полно дыма и тревоги,
Где небоскреб соседит с тучею.
Железных кайзеров полки
Покрылись толстым слоем пыли.
Былого пальцы в кадыки
Впились судорогою были.

Но, струны зная грыж,
Одев рубахой язву,
Ты знаешь страшный наигрыш,
Твой стон — мученья разве?..
И то впервые на земле:
Лоб Разина резьбы Коненкова,
Священной книгой на Кремле,
И не боится дня Шевченко.
Свободы воин и босяк.
Ты видишь, пробежал табун?
То буйных воль косяк,
Ломающих чугун.
Колено ставь на грудь.
Будь сильным как-нибудь.
И ветер чугуновых осп иди
Под шепоты «господи, господи».
И древние болячки от оков
Ты указал ночному богу —
Ищи получше дураков! —
И небу указал дорогу.
Рукой земли зажаты рты
Закопанных ядром.
Неси на храмы клеветы
Ветер пылающих хором.
Кого за горло душит золото
Неумолимым кулаком,
Он, проклиная силой молота,
С глаголом молнии знаком.
Панов не возит шестерик
Согнувших голову коней,
Пылает целый материк
Звездой, пламени красней.
И вы, свободы образа!
Кругом венки ресницы тайн,
Блестят громадные глаза
Гурриэт-эль-Айн.

И изречения Дзонкавы
Смешает с чистою росой,
Срывая лепестки купавы,

Славянка с русою косою.
Где битвы алое говядо
Еще дымилось от расстрела,
Идет свобода Неувяда,
Поднявши стяг рукою смело.
И небоскребы тонут в дыме
Божественного взрыва,
И объят кольцами седыми
Дворец продажи и наживы.
Он, город, что оглоблю бога
Сейчас сломал о поворот,
Спокойно стал, едва тревога
Его волнует конский рот.
Он, город, старой правдой горд
И красотою смеха сила —
В глаза небеснейшей из морд
Жует железные удила;
Всегда жестокий и печальный,
Широкой бритвой горло нежь! —
Из всей небесной готовальни
Ты взял восстания мятеж,
И он падет на наковальню,
Под молот — божеский чертеж.
Ты божество сковал в подковы,
Чтобы верней служил тебе,
И бросил меткие оковы
На вороной хребет небес.
Свой конский череп человека,
Его опутав умной гривой,
Глаза белилами калеча,
Он, меловой, зажег огниво.
Кто всадник и кто конь?
Он город или бог?

Но хочет скачки и погонь
Набатный топот его ног.
Туда, туда, где Изанаги
Читала «Моногатори» Перуну,
А Эрот сел на колени Шангти,
И седой хохол на лысой голове
Бога походит на снег,
Где Амур целует Маа-Эму,
А Тиэн беседует с Индрой,
Где Юнона с Цинтекуатлем
Смотрят Корреджио
И восхищены Мурильо,
Где Ункулункулу и Тор
Играют мирно в шашки,
Облокотись на руку,
И Хоккусаем восхищена
Астарты, — туда, туда!

Как филинов кровавый ряд,
Дворцы высокие горят.
И где труду так вольно ходится
И бьет руду мятежный кий,
Блестят, мятежно глубоки,
Глаза чугунной богородицы.
Опять волы мычат в пещере,
И козье вымя пьет младенец,
И идут люди, идут звери
На богороды современниц.
Я вижу конские свободы
И равноправие коров,
Былиной снов сольются годы,
С глаз человека спал засов.
Кто знал — нет зарева умней,
Чем в синеве пожара конского,
Он приютит посла коней
В Остоженке, в особняке Волконского.
И вновь суровые раскольники

Покроют морем Ледовитым
Лица ночные треугольники
Свободы, звездами закрытой.
От месяца «Ая» до недель «играй овраги»
Целый год для нас страда,
А говорят, что боги благи,
Что нет без отдыха труда.
До зари вдвоем с женой
Ты вязал за снопом сноп.
Что ж сказал господь ржаной?
«Благодарствую, холоп».
И от посева до ожина,
До первой снеговой тропы,
Серпами белая дружина
Вязала тяжкие снопы.
Веревкою обмотан барина,
Священников целуемый бичом,
Дыши как вол — пока испарина
Не обожжет тебе плечо,
И жуй зеленую краюху,
Жестокий хлеб, который дён?
Пока рукой земного руха
Не будешь ты освобожден.
И песней веселого яда
Наполни свободы ковши,
Свобода идет Неувяда
Пожаром вселенской души.
Это будут из времени латы
На груди мирового труда
И числу, в понимании хаты,
Передастся правительств узда.

Это будет последняя драка
Раба голодного с рублем,
Славься, дружба пшеничного злака
В рабочей руке с молотком!
И пусть моровые чернила

Покроют листы бытия,
Дыханье судьбы изменило
Одежды свободной края.
И он вспорхнет, красивый угол
Земного паруса труда,
Ты полетишь, бессмертно смугол,
Священный юноша, туда.
Осада золотой чумы.
Сюда, глазниц небесных воры,
Умейте, лучшие умы,
Намордники одеть на моры!
И пусть лепечет звонко птаха
О синем воздухе весны.
Тебя низринет завтра плаха
В зачеловеческие сны,
Это у смерти утесов
Прибой человечества.
У великороссов
Нет больше отечества.
Где Лондон торг ведет с Китаем,
Высокомерные дворцы,
Панамою надвинув тучу, их пепла не считаем,
Грядущего творцы.
Так мало мы утратили,
Идя восстания тропой,—
Земного шара председатели
Шагают дерзкою толпой.
Тринадцать лет хранили бюджетляне
За пазухой, в глазах и взорах,
В Красной уединясь Поляне,
Дней Носаря зажженный порох.
Держатель знамени свобод,
Уздой правящий ездой,
В нечеловеческий поход
Лети дорогой голубой.
И, похоронив времен останки,

Свободу пей из звездного стакана,
Чтоб громыхал по солнечной болванке
Соборный молот великана.
Ты прикрепишь к созвездью парус,
Чтобы сильнее и мятежнее
Земля неслась в надмирный ярус
И птица звезд осталась прежнею.

Сметя с лица земли торговлю
И замки торго бросив ниц.
Из звездных глыб построишь кровлю —
Стеклянный колокол столиц.
Решеткою зеркальных окон
Ты синих зарев неясить,
И ты прядешь из шелка кокон,
Полеты — гусеницы нить.
И в землю бьют, как колокола,
Ночные звуки — великаны,
Когда их бросят зеркала
И сеть столиц раскинет станы.
Где гребнем облаков в ночном цвету
Расчесано полей руно,
Там птицы ловят на лету
Летящее с небес зерно.
Весною ранней облака
Пересекал полетов знахарь,
И живо сеяла рука,
На облаках качался пахарь.
Как узел облачный, идут гужи,
— Руна земного бороны,
Они взрастут, колосья ржи,
Их холят неба табуны.
Он не просил: «Будь добр, бози, ми,
И урожай густой роди!»
Но уравниеньям вверил озими
И нес ряд чисел на груди.
А там муку съедобной глины

Перетирали жерновами
Крутых холмов ночные млины,
Маша усталыми крылами.
И речи знания в молнийном теле
Гласились юношам веселым,
Учебники по воздуху летели
В училища по селам.
За ливнями ржанных семян ищи
Того, кто пересек восток,
Где поезд вез на север щи,
Озер съедобный кипяток.
Где удочка лежала барина
И барчуки катились в лодке,
Для рта столиц волна зажарена,
И чад идет озерной водки.
Озерных щей ночные паровозы
Везут тяжелые сосуды,
Их в глыбы синие скуют морозы
И принесут к глазницам люда.
Вот море, окруженное в чехол
Холмообразного стекла.

Дыма тяжелого хохол
Висит чуприной божества.
Где бросала тень постройка
И дворец морей готов,
Замок вод возила тройка
Море вспенивших китов.
Зеркальная пустыня облаков,
Озеродей летать силен.
Баян восстания письмен
Засеял нивами станков.
Те юноши, что клятву дали
Разрушить языки,—
Их имена вы угадали —
Идут увенчаны в венки.
И в дерзко брошенной овчине
Проходишь ты, буен и смел,
Чтобы зажечь костер почина
Земного быта перемен.

П. Филонов. «Формула петроградского пролетариата». Фрагмент.

Дорогу путника любя,
Он взял ряд чисел, точно палку,
И, корень взяв из нет себя,
Заметил зорко в нем русалку.
Того, что ничего нема,
Он находил двуличный корень,
Чтоб увидеть в стране ума
Русалку у кокорин.
Где сквозь далеких звезд кокошник
Горят Печоры жемчуга,
Туда иди, небес помощник,
Великий силой рычага.
Мы в ведрах пронесем Неву

Тушить пожар созвездья Псов,
Пусть поезд копотью прорежет синеву,
Взлетая по сетям лесов.
Пусть небо ходит ходуном
От тяжелой поступи твоей,
Скрепи созвездие бревном
И дол решеткою осей.
Как муравей, ползи по небу,
Исследуй его трещины
И, голубой бродяга, требуй
Те блага, что тебе обещаны.
Балды, кувалды и кияры
Жестокой силой рычага
В созвездьях ночи воздвигал
Потомок полуночной бури.
Поставив к небу лестницы,
Надень шишак пожарного,
Взойдешь на стены месяца
В дыму огня угарного.
Надень на небо молоток,

То солнце на два поверни,
Где в красном зареве Восток,
Крути колеса шестерни.
Часы меняя на часы,
Платя улыбкою за ужин,
Удары сердца на весы
Кладешь, где счет работы нужен.
И зоркие соблазны выгоды,
Неравенство и горы денег —
Могучий двигатель в лони годы —
Заменит песней современник.
И властный озарит гудок
Великой пустыни молчания,
И поезд, проворный ходок,
Исчезнет, созвездья венчаннее. —
Построив из земли катушку,
Где только проволока гроз,
Ты славишь милую пастушку
У ручейка и у стрекоз.
И будут знаки уравниенья
Между работами и ленью,
Умершей власти, без сомненья,
Священный жезел вверен пенью.
И лень и мать вдохновенья,
Равновеликая с трудом,
С нездешней силой упоенья
Возьмет в ладонь державный лом.
И твой полет вперед всегда
Повторят позже ног скупцы.
И время громкого суда

Узнают истины купцы.
Шагай по морю клеветы.
Пружинь шаги своей пяты!
В чугунной скорлупе орленок
Летит багровыми крылами,
Кого недавно, как теленок,
Лизал, как спичечное пламя.
Черти не мелом, а любовью
Того, что будет, чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос ржи.

22 мая 1920

